

СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В.С. СОБКИН

ФГБНУ «ИУО РАО», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>,
e-mail: sobkin@mail.ru

А.В. ФЕДОТОВА

ФГБНУ «ИУО РАО», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4960-8183>,
e-mail: alexandrafedotova@rambler.ru

Анализируются особенности нормативной регуляции полового поведения в подростковом возрасте. Проводится сопоставление различных типов отношения к возрастной запретительной норме с ценностными ориентациями, эмоциональным благополучием, оценкой жизненных перспектив и стилями сексуального поведения. Метод: анонимный анкетный опрос 1540 учащихся 7-го, 9-го и 11-го классов общеобразовательных школ. С помощью специально сконструированных вопросов выявляются типы отношения подростков к возрастной ограничительной норме, регулирующей сексуальное поведение, особенности их жизненной позиции и стилей сексуального поведения. Результаты. Выявлена гендерная и возрастная специфика выбора подростками разных вариантов отношения к норме запрета на вступление в половые отношения. Показано, что среди девочек заметно выше доля тех, кто склонен придерживаться запретительной нормы. Выделены возрастные этапы в изменении отношения подростков к нормам, регулирующим допустимость вступления в сексуальные отношения у мальчиков и девочек. Выводы. Снятие возрастной нормы запрета на вступление в половые отношения связано с общими ценностными трансформациями в жизненной позиции на этапе подростничества.

Ключевые слова: подростковый возраст, сексуальные отношения, запретительная норма, жизненная позиция, стили сексуального поведения, гендерная специфика, возрастная динамика.

Для цитаты: Собкин В.С., Федотова А.В. Сексуальное поведение и жизненные ориентации в подростковом возрасте // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 1. С. 127–147. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280108>

SEXUAL BEHAVIOR AND ATTITUDES TO LIFE IN ADOLESCENCE

VLADIMIR S. SOBKIN

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>,

e-mail: sobkin@mail.ru

ALEKSANDRA V. FEDOTOVA

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4960-8183>,

e-mail: alexandrafedotova@rambler.ru

The paper analyses the peculiarities of norms regulating sexual activity in adolescence. Various types of attitudes towards norms restricting sexual activity in adolescence are matched with respondents' life values, emotional well-being, evaluation of their future perspectives and styles of sexual behavior. Methods. The data was obtained in an anonymous survey that involved 1540 students of 7th, 9th and 11th grades of secondary and high schools. Questions were aimed at exploring the types of adolescents' attitudes towards the age-related restricting norm regulating sexual activity, their life attitudes, and styles of sexual behavior. Results. The data reveals gender and age specifics concerning various types of adolescents' attitudes towards restriction in sexual activity. Girls are more likely to follow the restricting norm. We distinguished between developmental stages in the transformation of girls' and boys' attitudes towards norms regulating admissibility of sexual activity. Conclusion. The results allow us to conclude that the dismissal of the age-related norm restricting sexual activity in adolescence is linked to the basic value transformations in adolescence.

Keywords: adolescence, sexual activity, prohibitive norm, life attitude, style of sexual behavior, gender specifics, developmental dynamics.

For citation: Sobkin V.S., Fedotova A.V. Sexual Behavior and Attitudes to Life in Adolescence. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2020. Vol. 28, no. 1, pp. 127–147. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280108>. (In Russ., abstr. in Engl.)

При анализе особенностей подросткового возраста проблема сексуального поведения традиционно является одной из центральных. В

ее обсуждении активно участвует широкий круг специалистов: физиологи, сексологи, психологи, педагоги, юристы, социологи, культурологи. Каждый из них рассматривает ее под особым углом зрения, что, в свою очередь, свидетельствует о комплексности самой проблемы. Во многом попытка подобного комплексного подхода была предпринята в 1920—1930 гг. отечественными педологами, которые, пытаясь преодолеть психоаналитический подход акцентировали специальное внимание на социальных и воспитательных аспектах [14]. Важное место здесь отводилось вопросам возрастных и гендерных различий, психологическим характеристикам этапов начала половой жизни, стилям и нормам регуляции сексуального поведения [1—4]. Однако после разгрома педологии эта линия комплексных исследований была прервана на долгие годы, а сама тема табуирована. Вновь она стала открыто активно обсуждаться лишь в середине 80-х в связи с глобальными социокультурными трансформациями, которые оказали серьезное влияние и на сферу сексуальных отношений [5—7]. Сегодня отечественные работы учитывают основные направления исследований сексуального поведения в подростковом возрасте, которые активно проводятся и за рубежом. При этом особое внимание отводится стадии сексуального дебюта, вопросам безопасности и полового воспитания [15—22].

Настоящая статья продолжает цикл наших исследований, посвященных сексуальному поведению в подростковом возрасте, которые были начаты еще в середине 90-х гг. [8—13]. Здесь будут рассмотрены три темы: 1) отношение подростков к возрастной запретительной норме на вступление в половые отношения; 2) взаимосвязь разных вариантов отношения к норме запрета с жизненной позицией подростка; 3) стилевые особенности сексуального поведения в связи с отношением к норме.

Основные гипотезы исследования:

1. Содержательные особенности соблюдения запретительной нормы на вступление в сексуальные отношения зависят от гендерных и возрастных факторов.
2. Тип отношения к запретительной норме связан с особенностями жизненной позиции подростка.
3. Переживание конфликта нарушения нормы проявляется у подростков, придерживающихся определенных стилей сексуального поведения.

Метод

Методика. В рамках программы исследования девиантного поведения подростков сотрудниками Центра социологии образования ИУО РАО был разработан специальный инструментарий — анкета, состоящая

из 143 закрытых, шкальных и открытых вопросов, касающихся различных аспектов отношения подростков к девиантным формам поведения и здоровому образу жизни. В настоящей статье будут использованы данные ответов на вопросы относительно возрастных норм на вступление в сексуальные отношения и стилей сексуального поведения, а также ответы на вопросы, позволяющие охарактеризовать жизненную позицию подростка: ценностные ориентации, представления о будущей успешности, сформированность планов.

Выборка. С помощью разработанного инструментария среди учащихся общеобразовательных школ был проведен анонимный опрос, в котором приняли участие 1540 респондентов (подростки, обучающиеся в 7, 9 и 11 классах).

Полученные в ходе опроса материалы обработаны при помощи программ MS Excel, Statistica, SPSS. При статистическом анализе результатов были применены критерии значимости различий между ответами исследуемых подвыборок респондентов.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с гипотезами основные результаты сгруппированы по трем разделам. В первом обсуждаются гендерные и возрастные аспекты отношения к возрастной запретительной норме на вступление в половые отношения, во втором — связь отношения к норме с ценностными ориентациями, а в третьем — норма и стили сексуального поведения.

1. Подростки о допустимости сексуальных отношений: гендерные различия и возрастная динамика. Для выяснения отношения подростков к возрастной ограничительной норме, регулирующей сексуальное поведение, им задавался вопрос с пятью вариантами ответа.

1. «Я считаю, что сексуальные контакты недопустимы в моем возрасте, и не веду половую жизнь» (ориентировка на принятие возрастной ограничительной нормы и следование ей на поведенческом уровне).

2. «Я считаю, что сексуальные контакты вполне допустимы в моем возрасте, но сам(а) не веду половую жизнь» (норма не признается безусловной, но подросток ей следует).

3. «Я понимаю, что в моем возрасте еще рано вступать в сексуальные отношения, но, тем не менее, веду половую жизнь» (сексуальные отношения переживаются как конфликтные).

4. «Я считаю, что сексуальные контакты совершенно естественны в моем возрасте, и веду половую жизнь» (у подростка отсутствует конфликт).

5. «Я затрудняюсь ответить» (уход от ответа).

Полученные данные показывают, что треть респондентов (33,5%) «считают сексуальные контакты недопустимыми в их возрасте и не ведут половую жизнь»; причем среди девочек доля таких ответов существенно выше, чем среди мальчиков (соответственно — 41,6% и 23,4%; $p \leq 0,001$). Каждый седьмой (14,8%) уже «не считает обязательным соблюдение данной нормы и ведет половую жизнь»; выбор этого варианта ответа, напротив, существенно выше среди мальчиков (соответственно — 21,1% и 9,5%; $p \leq 0,001$).

Следует обратить специальное внимание на два других варианта ответа, которые предполагают переживание своеобразного конфликта между отношением к возрастной запретительной норме и реальным сексуальным поведением. Так, треть подростков (33,6%) считают, что соблюдение нормы запрета на вступление в сексуальные отношения «совершенно не обязательно в их возрасте, однако сами они не ведут половую жизнь». При этом показательно, что относительно частоты выбора данного варианта различия между мальчиками и девочками отсутствуют. Наиболее же важным в психологическом отношении является вариант ответа, где явно обозначен конфликт между ориентацией на соблюдение нормы и ее нарушением на поведенческом уровне: «я понимаю, что в моем возрасте еще рано вступать в сексуальные отношения, но, тем не менее, веду половую жизнь». Этот тип ответа выбирает почти каждый десятый подросток — 7,2%. Заметим, что данный вид поведения более характерен для мальчиков по сравнению с девочками (соответственно — 8,5% и 5,8%; $p \leq 0,05$).

В целом, приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в подростковой среде отчетливо проявляются гендерные различия относительно принятия возрастной нормы, запрещающей половые связи: среди девочек заметно выше доля тех, кто склонен придерживаться запретительной нормы, тогда как мальчики, напротив, чаще склонны отвергать возрастные запреты.

Особый интерес представляет анализ возрастной динамики ответов учащихся. Материалы исследования свидетельствуют о том, что на рубеже 9-го и 11-го классов в отношениях подростков к «запрету» на сексуальные контакты происходят заметные изменения (рис. 1).

Предваряя обсуждение приведенных на рис. 1 данных, отметим, что они не учитывают долю подростков, выбравших вариант «затрудняюсь ответить»: в каждой возрастной когорте таких 10—12%. Отраженные на диаграмме результаты позволяют выделить два возрастных этапа, когда происходит явное изменение отношения подростков к нормам, регулирующим допустимость вступления в сексуальные отношения. Так, на рубеже 9-го класса явно снижается доля тех подростков, кто считает недопустимым ведение половой жизни в их возрасте, и параллельно уве-

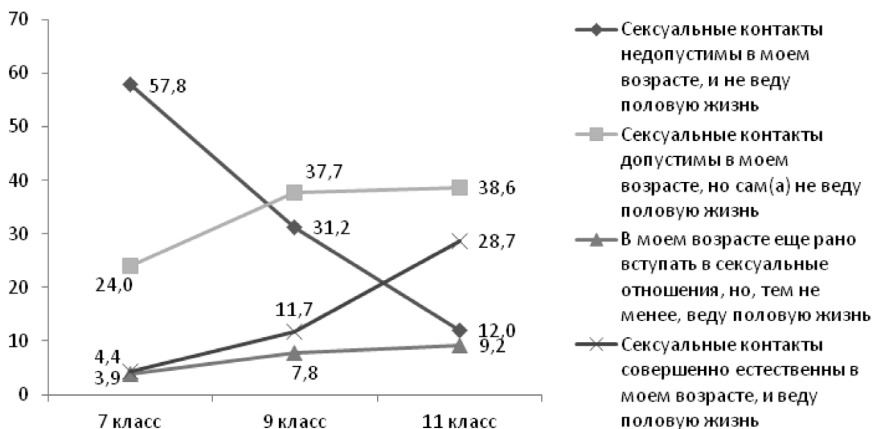

Рис. 1. Возрастная динамика изменения отношения подростков к запретительным нормам, регулирующим сексуальные контакты (%)

личивается число допускающих возможность вступления в сексуальные отношения, но не ведущих половую жизнь. Увеличивается и доля ведущих половую жизнь (суммарно до 19,5%). Иная ситуация отношения к сексуальным контактам характерна для учащихся выпускных классов: к 11-му классу лишь небольшое число учащихся безусловно принимают запретительную норму (12%), и в то же время более четверти (28,7%) «считают подобные контакты в их возрасте совершенно естественными и ведут половую жизнь». Суммарно же доля тех, кто имеет опыт сексуальных отношений, составляет 37,9%.

Характерны и возрастные различия между ответами мальчиков и девочек. Причем гендерные различия, связанные с отказом от соблюдения возрастной нормы, становятся все более значимыми по мере взросления учащихся (рис. 2). На рубеже 9-го класса среди мальчиков происходит явная переориентация на допустимость сексуальных отношений именно на поведенческом уровне. Среди девочек же этот сдвиг происходит лишь в 11-м классе, и в этом контексте можно говорить о явных различиях в отношении к сексуальным контактам в мужской и женской подростковых субкультурах.

В целом сопоставление возрастной динамики ответов мальчиков и девочек позволяет выделить особую логику культурной регуляции сексуального поведения: на первом этапе (7–9-й классы) снижается значимость безусловного принятия запретительной нормы в подростковой среде и лишь после этого (9–11-й классы) происходят явные изменения и на поведенческом уровне.

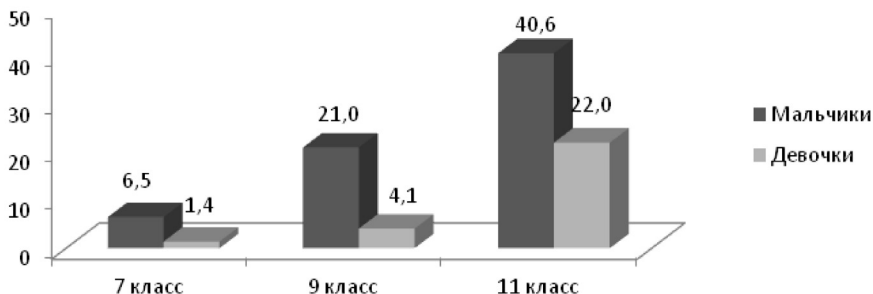

Рис. 2. Доля мальчиков и девочек в разных возрастных когортах, считающих, что «сексуальные контакты совершенно естественны в их возрасте, и ведущих половую жизнь» (%)

2. Отношение к запретительной норме и жизненные ориентации подростков. Помимо проведенного выше анализа влияния возрастных и гендерных факторов на отношение учащихся к ограничительной возрастной норме относительно сексуальных контактов, особый интерес представляет анализ взаимосвязей рассматриваемых выше четырех вариантов отношения к соблюдению этой нормы с теми или иными жизненными ориентациями подростка: а) оценкой успешности реализации своих личных перспектив; б) сформированностью жизненных планов; в) значимостью тех или иных ценностей.

С целью выявления таких взаимосвязей был проведен факторный анализ полученных эмпирических данных (метод главных компонент с вращением варимакс Кайзера). Это позволило выделить взаимосвязи между разными аспектами жизненных ориентаций, которые обусловлены разными вариантами отношения к запретительной норме: М1, Д1 — мальчики, девочки, считающие, что «сексуальные контакты недопустимы в их возрасте, и не ведущие половую жизнь»; М2, Д2 — мальчики, девочки, считающие, что «сексуальные контакты вполне допустимы в их возрасте, но не ведущие половую жизнь»; М3, Д3 — мальчики, девочки, считающие, что «в их возрасте еще рано вступать в сексуальные отношения, но ведущие половую жизнь»; М4, Д4 — мальчики, девочки, считающие, что «сексуальные контакты совершенно естественны в их возрасте, и ведущие половую жизнь».

Обратимся к рассмотрению структурных особенностей пяти выделенных факторов, которые описывают 91,5% общей суммарной дисперсии.

Первый биполярный фактор F1 (33,4% общей суммарной дисперсии) имеет следующую структуру (табл. 1). Положительный полюс фактора (F1+) характеризует сомнение в успешности своей будущей жизни. При

этом показательно, что сомнение в успешности коррелирует с ценностной значимостью творческой деятельности. Отрицательный же полюс фактора определяют оптимизм, уверенность в завтрашнем дне и такая ценность, как здоровье (F1—). В целом, содержание этого фактора можно задать через оппозицию «сомнения в успехе, творчество — уверенность и оптимизм, здоровье».

Таблица 1

Структура биполярного фактора 1

Содержание пункта (полюс)	Нагрузки
Есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно (F1+)	0,87
Возможность творческой деятельности (F1+)	0,54
С уверенностью и оптимизмом смотрю в завтрашний день (F1-)	-0,94
Здоровье (F1-)	-0,86

Структура фактора F2 (21,8% общей дисперсии) имеет следующий вид: положительный полюс данного фактора (F2+) определяет желание «жить сегодняшним днем», в то время как его отрицательный полюс (F2—) характеризуют проблематизация своего будущего («не могу определиться») и значимость микросоциального окружения сверстников («близких друзей»). Таким образом, данный фактор можно интерпретировать через оппозицию «ситуативность поведения — проблематизация будущего, друзья» (табл. 2).

Таблица 2

Структура биполярного фактора 2

Содержание пункта (полюс)	Нагрузки
Предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты (F2+)	0,93
Думаю о своем будущем, но не могу определиться (F2-)	-0,90
Наличие близких друзей (F2-)	-0,83

Заметим, что если первый фактор (F1) определяет оппозицию относительно эмоциональной оценки жизненных перспектив, то второй фактор (F2) связан с особенностями планирования своего будущего.

Биполярный фактор F3 (16,5% общей дисперсии) включает 4 пункта (табл. 3). Положительный полюс (F3+) задан такими ценностями, как хорошие отношения с родителями и повышение уровня образования; отрицательный же (F3—) определяется значимостью успешной профессиональной деятельности и близостью с любимым человеком. В целом,

содержание этого фактора состоит в фиксации оппозиции между двумя типами межличностных отношений: на положительном полюсе это детско-родительские отношения и учеба, на отрицательном — близость с любимым человеком и профессиональная деятельность. Условно этот фактор можно обозначить через противопоставление «подростковые нормы успешности — взрослые нормы успешности». Таким образом, сдвиг от положительного к отрицательному полюсу характеризует своеобразную траекторию взросления: смену подростковой нормативности более зрелыми представлениям об успешной жизни.

Таблица 3

Структура биполярного фактора 3

Содержание пункта (полюс)	Нагрузки
Хорошие отношения с родителями (F3+)	0,89
Повышение уровня своего образования (F3+)	0,70
Духовная и физическая близость с любимым человеком (F3-)	-0,93
Успешная профессиональная деятельность (F3-)	-0,78

Обратимся к рассмотрению структуры биполярного фактора F4 (11,0% общей дисперсии; табл. 4). Положительный полюс фактора (F4+) определяет высокую ценностную значимость социальной оценки («уважение окружающих») и негативную оценку своих будущих перспектив («страх перед завтрашним днем»). Иными словами, данный полюс характеризует аффективную зависимость от мнений социального окружения. При этом подобная зависимость оказывается связанной и с «неопределенностью жизненных планов». Противоположный же, отрицательный, полюс задают такие ценности, как «самостоятельность и независимость» и «счастливая семейная жизнь». Таким образом, смысл этого фактора можно задать через оппозицию «социальная зависимость, тревожность — независимость, счастливая семейная жизнь». Подчеркнем, что важную роль здесь играет именно эмоциональное социальное самочувствие.

Таблица 4

Структура биполярного фактора 4

Содержание пункта (полюс)	Нагрузки
Уважение окружающих (F4+)	0,92
Со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня (F4+)	0,76
Мои жизненные планы на сегодня еще не определены (F4+)	0,58
Счастливая семейная жизнь (F4-)	-0,87
Самостоятельность и независимость (F4-)	-0,80

И наконец, биполярный фактор F5, объясняющий 8,8% общей суммарной дисперсии имеет следующую структуру (табл. 5). Содержание данного фактора определяет противопоставление ценности культурного, духовного развития (F5+) и прагматических ориентаций: «достижение материального благополучия» и «четкость представлений о будущем» (F5—). Смысл данного фактора может быть задан оппозицией «повышение культурного уровня — материальное благополучие».

Таблица 5

Структура биполярного фактора 5

Содержание пункта (полос)	Нагрузки
Повышение своего культурного уровня (F+)	0,89
Достижение материального благополучия (F-)	-0,73
Я отчетливо представляю себе свое будущее (F-)	-0,69

Итак, в результате факторного анализа было выделено пять факторов, определяющих содержательные особенности жизненных ориентаций подростка:

- 1) «сомнения в успехе, творчество — уверенность и оптимизм, здоровье»;
- 2) «ситуативность поведения — проблематизация будущего, друзья»;
- 3) «подростковые нормы успешности — взрослые нормы успешности»;
- 4) «социальная зависимость, тревожность — независимость, счастливая семейная жизнь»;
- 5) «повышение культурного уровня — материальное благополучие».

Для того чтобы охарактеризовать структурные особенности ценностных ориентаций у подростков с разным отношением к возрастной запретительной норме на вступление в сексуальные отношения, рассмотрим профили значений по осям описанных выше пяти факторов у мальчиков и девочек с различным отношением к данной норме.

Сначала сопоставим группы, у которых нет конфликта между отношением к норме и поведением. Мальчики, соблюдающие ограничительную норму, имеют выраженные значения по трем факторам: F1— («уверенность, оптимизм»), F2+ («ситуативность») и F5+ («повышение культурного уровня», рис. 3). Таким образом, при позитивной эмоциональной оценке своих жизненных перспектив их поведение носит ситуативный характер. Причем в системе ценностных ориентаций у них важное место занимает здоровье и повышение культурного уровня. Для мальчиков же, отказавшихся от ограничительной нормы, как на когнитивном («сексуальные контакты естественны в моем возрасте»), так и на поведенческом («веду

половую жизнь») уровнях, значимыми являются факторы F1— («уверенность и оптимизм»), F4— («независимость, счастливая семейная жизнь») и F5— («прагматизм, материальное благополучие»). Таким образом, существенным отличием структуры ценностных ориентаций юношей, ведущих половую жизнь и считающих это естественным, является актуализация традиционалистской «мужской» позиции, связанной с созданием счастливой семьи и ее материальным обеспечением. В целом, можно сделать вывод о том, что отказ от соблюдения ограничительной возрастной нормы связан с изменениями в общей структуре ценностных ориентаций при переходе от подросткового к раннему юношескому возрасту.

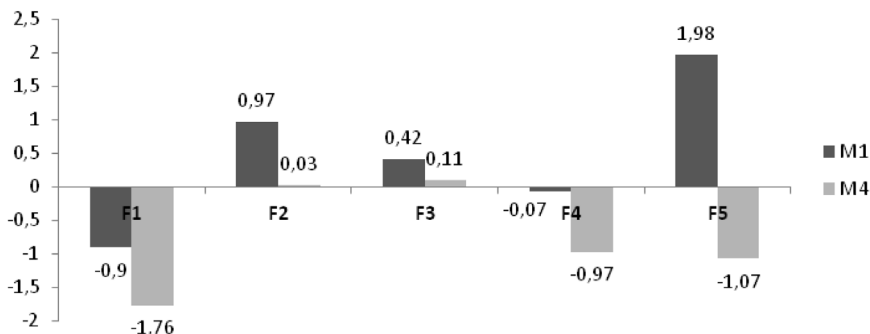

Рис. 3. Профили значений по пяти факторам для мальчиков, придерживающихся запретительной нормы (M1) и отказавшихся от нее (M4)

Для девочек, придерживающихся ограничительной нормы, наиболее значимы факторы F1+ («сомнения в успехе»), F2— («проблематизация будущего»), F3+ («подростковая норма успешности») и F5+ («повышение культурного уровня», рис. 4). Соответственно, важными жизненными ценностями для них являются: наличие близких друзей, хорошие отношения с родителями и повышение уровня образования и культуры. Девочки же, не принимающие запретительную норму и ведущие половую жизнь, имеют выраженные значения по факторам F1+ («сомнения в успехе»), F2+ («ситуативность»), F3— («взрослая успешность») и F4— («независимость, счастливая семейная жизнь»). Здесь высокую значимость приобретают такие ценности, как профессиональная успешность, независимость, близость с любимым человеком и счастливая семейная жизнь.

Сопоставление представленных на рис. 4 профилей Д1 и Д4 показывает, что основными дифференцирующими факторами здесь выступают факторы F2 и F3. По сути дела, девочек, соблюдающих возрастную запретительную норму на вступление в сексуальные отношения, характеризует комплекс параметров, отражающих нормативные социально-психологи-

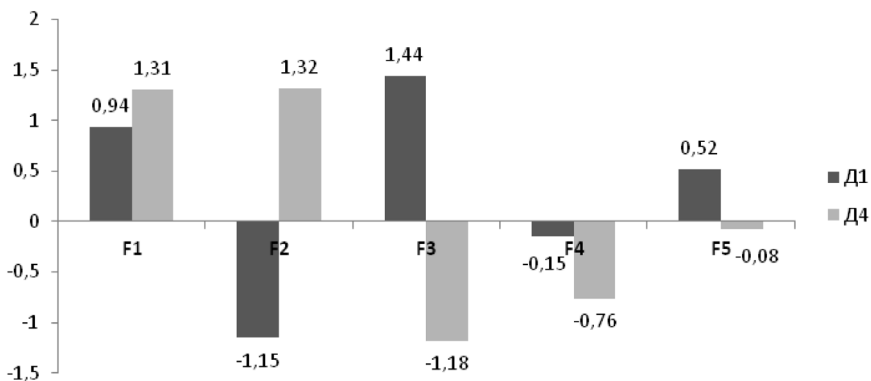

Рис. 4. Профили значений по пяти основным факторам для девочек, придерживающихся возрастной запретительной нормы на вступление в сексуальные отношения — Д1, и отказавшихся от нее — Д4

ческие представления о подростке. Иначе выглядит ценностная структура у девочек, отвергающих норму и живущих половой жизнью: они отстраняются от детско-родительских отношений и ориентируются на духовную и физическую близость с любимым человеком. В то же время заметим, что снятие запретительной нормы на вступление в сексуальные отношения связано не только с ценностной ориентацией на значимость близости с любимым человеком, но и установкой на ситуативность поведения («предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты»). Этим они отличаются от позиции социально зрелого самостоятельного человека. В целом, как и при рассмотрении данных у мальчиков, можно сделать вывод о том, что отказ от соблюдения запретительной нормы связан с общими изменениями в структуре ценностных ориентаций при переходе от старшего подросткового возраста к ранней юности.

И наконец, особое внимание следует обратить на своеобразие ценностных ориентаций у тех мальчиков и девочек, кто переживает ситуацию внутреннего конфликта: принимающих возрастную ограничительную норму на вступление в сексуальные контакты на когнитивном уровне, но, в то же время, нарушающих ее на поведенческом уровне (подвыборки М3 и Д3).

Анализ полученных материалов показывает, что мальчики и девочки, находящиеся в конфликтной ситуации по поводу нарушения возрастной ограничительной нормы, явно отличаются от своих сверстников, как соблюдающих норму, так и отвергающих ее, лишь по одному фактору: F4 («социальная зависимость, тревожность — независимость, счастливая семейная жизнь»). Для них характерны высокие положительные значе-

ния по оси этого фактора, что свидетельствует о выраженной социальной зависимости и тревожности (рис. 5).

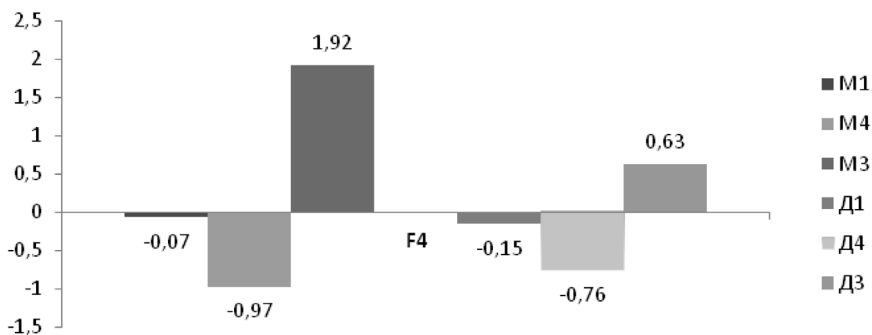

Рис. 5. Значения по оси фактора F4 («социальная зависимость, тревожность — независимость, счастливая семейная жизнь») у мальчиков и девочек с различным отношением к возрастной запретительной норме: принимают норму и не ведут половую жизнь — M1, D1; отвергают норму и ведут половую жизнь — M4, D4; принимают норму, но ведут половую жизнь — M3, D3

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что переживание конфликта в связи с нарушением возрастной ограничительной нормы на вступление в сексуальные отношения проецируется у мальчиков и девочек (подвыборки M3, D3) на их общее социальное самочувствие, которое проявляется в неопределенности жизненных планов, пессимизме относительно своего будущего и особой чувствительности к мнению внешнего окружения. Это и характеризует содержательное своеобразие комплекса личностных переживаний подростка, связанных с конфликтной ситуацией нарушения возрастной ограничительной нормы. Для предотвращения подобных негативных переживаний, обусловленных нарушением нормы, подростку на этом этапе необходима особая психолого-педагогическая помощь и поддержка.

Вместе с тем следует добавить, что у девочек, переживающих конфликт нарушения нормы (подвыборка D3), ситуация имеет более сложный характер. Для этого необходимо учесть особенности их размещения по осям факторов F3 и F2. Так, по фактору F3, как и у их сверстниц, считающих, что сексуальные отношения в их возрасте естественны, и ведущих половую жизнь (подвыборка D4), они также имеют высокие отрицательные значения. Это свидетельствует о том, что в системе ценностных ориентаций девушек, переживающих конфликт нарушения нормы, важной является ценность духовной и физической близости с любимым человеком. Это дает основание предположить, что само нарушение возрастной ограничительной нормы связано у них именно с при-

нятием этой ценностной установки. В то же время, как и их сверстницы, следующие ограничительной норме (подвыборка Д1), они находятся в классической подростковой ситуации, связанной с проблематизацией своего будущего и значимостью ближайшего окружения сверстников (об этом свидетельствуют их высокие отрицательные значения по фактору F2). Таким образом, конфликт нарушения возрастной нормы на запрет сексуальных отношений у девушек связан с актуализацией ценностной значимости духовной и физической близости с любимым человеком, с одной стороны, а с другой — с социальной зависимостью от мнений (уважения) окружающих, проблематизацией будущего, неопределенностью планов и тревожностью.

3. Запретительная норма и стили сексуального поведения. Здесь будут рассмотрены стилевые характеристики поведения, которые касаются как моногамности или полигамности сексуальных отношений, так и регулярности половых контактов. Заметим, что отмеченные особенности поведения, безусловно, связаны с нормативными представлениями. Причем они лежат в иной плоскости по сравнению с возрастными табу на вступление в сексуальные контакты. В большей степени отмеченные стилевые особенности сексуального поведения связаны с принятием или отвержением тех моральных норм, которые касаются свободы сексуальных отношений. Таким образом, здесь мы затрагиваем традиционную тему «половой распущенности» подростков. Заметим, что эта сторона нормативной регуляции сексуального поведения не менее актуальна, чем рассмотренная выше тема возраста начала половой жизни. Более того, традиционалистские культурные установки ориентированы на поддержание моногамных отношений, тогда как полигамия в выборе сексуальных партнеров в обществе порицается. Вместе с тем процессы культурной глобализации, усиливающаяся миграционная активность, а также тренды нормативных изменений моделей поведения в современной художественной культуре явно деформируют представления о нормах сексуальных отношений.

В связи с обозначенной темой в ходе опроса респондентам был предложен вопрос, ответы на который учитывали как регулярность ведения ими половой жизни, так и наличие постоянного сексуального партнера. Варианты ответов формулировались следующим образом: «Я веду половую жизнь регулярно, и у меня есть постоянный партнер»; «Я веду половую жизнь регулярно, но у меня нет постоянного партнера»; «Я веду половую жизнь эпизодически с постоянным партнером»; «Я веду половую жизнь эпизодически, но с разными партнерами»; «В настоящее время я не веду половой жизни, но сексуальный контакт был»; «Я вообще не имел(а) половых контактов».

В соответствии с основной темой настоящей статьи при анализе полученных результатов особый интерес представляет соотношение раз-

ных стилей сексуального поведения с типами отношения к возрастной запретительной норме. В этой связи рассмотрим, насколько актуально переживание конфликта нарушения возрастной нормы на вступление в сексуальные отношения у мальчиков и девочек, ведущих половую жизнь регулярно или эпизодически (рис. 6).

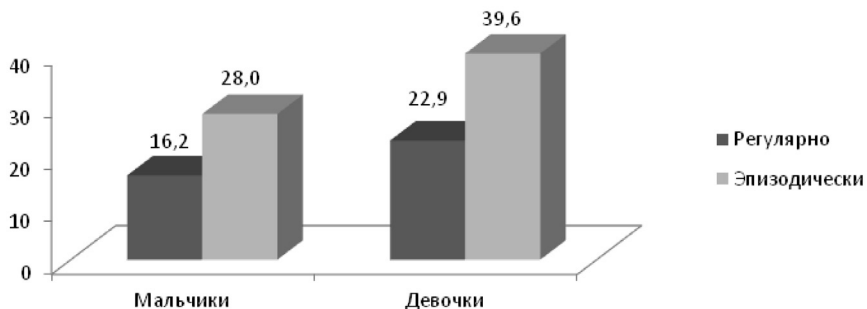

Рис. 6. Доля мальчиков и девочек, переживающих конфликт нарушения возрастной запретительной нормы, среди подростков, ведущих половую жизнь регулярно или эпизодически (%)

Среди подростков, эпизодически ведущих половую жизнь, переживание конфликта нарушения возрастной нормы на вступление в сексуальные отношения значительно выше по сравнению со сверстниками, которые ведут половую жизнь регулярно. Если допустить, что нерегулярность половой жизни характеризует этап начала половых отношений, то можно сделать вывод о том, что стадия сексуального дебюта практически у каждого третьего подростка связывается с конфликтным переживанием нарушения возрастной нормы на вступление в сексуальные отношения. Наличие подобных негативных переживаний у значительной части подростков, на наш взгляд, еще раз свидетельствует о необходимости особого психолого-педагогического сопровождения психосексуального развития на этапе подростничества.

Особый интерес представляет анализ возрастной динамики. С этой целью сопоставим ответы мальчиков и девочек 9-го и 11-го классов (рис. 7). Данные демонстрируют, что среди девятиклассников, эпизодически ведущих половую жизнь, конфликт переживания нарушения возрастной нормы выражен значительно сильнее по сравнению с одиннадцатиклассниками. При этом у мальчиков-девятиклассников подобный конфликт переживает практически каждый второй (40,0%), а среди девочек таких подавляющее большинство (80,0%). Подобный факт свидетельствует о том, что начало половой жизни в 9-м классе (и ранее) явно связано с переживанием нарушения возрастных табу. К 11-му же

классу среди подростков, ведущих половую жизнь «эпизодически», доля переживающих конфликт нарушения нормы резко снижается. Это свидетельствует о том, что на этом этапе сама возрастная норма в целом перестает уже регулировать характер сексуальных отношений, хотя среди девочек-одиннадцатиклассниц, ведущих половую жизнь эпизодически, процент переживающих конфликт нарушения возрастной нормы остается достаточно высоким (39,3%).

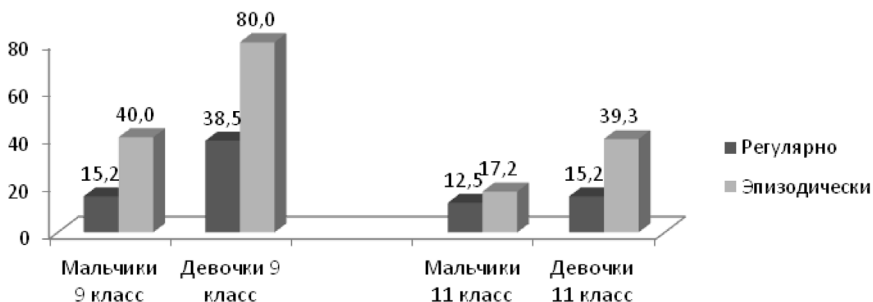

Рис. 7. Доля мальчиков и девочек в 9-м и 11-м классах, переживающих конфликт нарушения возрастной запретительной нормы, среди подростков, ведущих половую жизнь регулярно или эпизодически (%)

Следует подчеркнуть, что если в отношении эпизодичности или регулярности половой жизни связь с отношением подростка к возрастной запретительной норме на вступление в сексуальные отношения проявилась достаточно отчетливо, то для второго параметра, дифференцирующего стиль полового поведения (жизнь с постоянным/разными партнерами), каких-либо явно выраженных тенденций не выявлено. Это свидетельствует о том, что ориентация на моногамность или полигамность сексуальных отношений регулируется другими нормами и не связана с представлениями о допустимости/недопустимости сексуальных отношений в соответствующем возрасте.

Выводы

1. В целом, результаты факторного анализа показали, что преодоление возрастной ограничительной нормы на вступление в сексуальные отношения связаны как с существенными перестройками ценностных ориентаций, так и с изменениями в эмоциональной оценке жизненных перспектив и сформированности планов на будущее. Это позволяет сделать вывод о том, что сексуальная жизнь является важным фактором,

определяющим социальное взросление на этапе перехода от подросткового возраста к юношескому. При этом у мальчиков оно связано с актуализацией установок, характеризующих традиционную маскулинную модель. У девочек же социальный механизм преодоления запретительной нормы связан с особым сдвигом оценки значимости различных представителей микросоциального окружения; смещением ориентиров с важности детско-родительских отношений на духовную и физическую близость с любимым человеком.

2. Важно подчеркнуть сложную траекторию изменения ценностных ориентаций подростка от безусловного принятия запретительной нормы к ее полному отрицанию. Обращает на себя внимание особая конфликтная ситуация, когда норма еще принимается на когнитивном уровне, но на уровне реального поведения подросток ей уже пренебрегает. Характерно, что подобный конфликт не следует рассматривать упрощенно лишь как расхождение между когнитивным и поведенческим аспектами. Дело в том, что он затрагивает серьезные сдвиги в системе ценностных ориентаций, жизненных планов и эмоциональной оценки собственных перспектив. Причем эти ценностные перестройки, связанные с переживанием конфликта, существенно различаются у мальчиков и девочек, и в этом отношении можно говорить о социально-психологическом своеобразии переживания ими конфликта нарушения запретительной нормы на вступление в сексуальные отношения.

3. Анализ стилевых особенностей сексуального поведения подростков относительно параметров регулярность/эпизодичность половых контактов и моногамность/полигамность сексуальных отношений показал, что этап дебюта половой жизни характеризуется переживанием конфликта, связанного с нарушением возрастной нормы на запрет сексуальных отношений в подростковом возрасте. Этому сопутствуют и существенные изменения в жизненной позиции подростка: неопределенность жизненных планов, неуверенность относительно успешности своих жизненных перспектив, повышенная чувствительность к мнению социального окружения. При этом значимой оказывается ценность духовной и физической близости с любимым человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блонский П.П.* Очерки детской сексуальности // Избранные педагогические и психологические сочинения: в 2 т. Т. 1 / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. С. 202—276.
2. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 536 с.

3. *Выготский Л.С.* Педология подростка // Л.С. Выготский. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. С. 5—242.
4. *Залкинд А.Б.* Половое воспитание // Педология: Утопия и реальность / Под ред. И. Паринной. М.: Аграф, 2001. С. 141—263.
5. *Кон И.С.* Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Социально-педагогический анализ. Дубна: Феникс+, 2001. 208 с.
6. *Коница М.А., Холмогорова А.Б.* Стратегии сексуального поведения в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 61—70. doi:10.17759/chnp.2015110108
7. *Коница М.А., Холмогорова А.Б.* Феномен неограниченного сексуального поведения в историческом контексте разных типов сексуальной культуры // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 3. С. 119—140.
8. *Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., и др.* Подросток: нормы, риски, девиации. М.: Центр социологии образования РАО, 2005. 359 с.
9. *Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., и др.* Сексуальное поведение в подростковом возрасте // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XV / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2004. С. 163—186.
10. *Собкин В.С., Адамчук Д.В.* Подросток: сексуальные отношения и социальная нормативность // Психология девиантности. Дети. Общество. Закон: монография / Под ред. А.А. Реана. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 274—313.
11. *Собкин В.С., Адамчук Д.В., Федотова А.В.* Подросток: о допустимости вступления в сексуальные отношения // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2014. № 2. С. 25—32.
12. *Собкин В.С., Баранова Е.В.* Социально-психологические особенности переживания сексуального опыта в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 55—67.
13. *Собкин В.С., Кузнецова Н.И.* Российский подросток 90-х: Движение в зону риска. Аналитический доклад. М.: ЮНЕСКО, 1998. 120 с.
14. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности: пер. с нем. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
15. *Brady S.S., Halpern-Felsher B.L.* Social and emotional consequences of refraining from sexual activity among sexually experienced and inexperienced youths in California // American Journal of Public Health. 2008. Vol. 98 (1). P. 162—168. doi:10.2105/AJPH.2006.097923
16. *Cheng Y.A., Landale N.S.* Adolescent overweight, social relationships and the transition to first sex: Gender and racial variations // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2011. Vol. 43 (1). P. 6—15. doi:10.1363/4300611
17. *L'Engle K.L., Jackson C., Brown J.D.* Early adolescents' cognitive susceptibility to initiating sexual intercourse // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2006. Vol. 38 (2). P. 97—105. doi:10.1363/3809706
18. *Lehrer J.A., Shrier L.A., Gortmaker S., et al.* Depressive symptoms as a longitudinal predictor of sexual risk behaviors among US middle and high school students // Pediatrics. 2006. Vol. 118 (1). P. 189—200. doi:10.1542/peds.2005-1320

19. Manlove J., Terry-Humen E., Ikramullah E. Young teenagers and older sexual partners: Correlates and consequences for males and females // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2006. Vol. 38 (4). P. 197—207. doi:10.1363/3819706
20. Sandfort T.G.M., Orr M., Hirsch J.S., et al. Long-term health correlates of timing of sexual debut: results from a national US study // American Journal of Public Health. 2008. Vol. 98 (1). P. 155—161. doi:10.2105/AJPH.2006.097444
21. Scott M.E., Wildsmith E., Welti K., et al. Risky adolescent sexual behaviors and reproductive health in young adulthood // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2011. Vol. 43 (2). P. 110—118. doi:10.1363/4311011
22. Whitworth T.R., Paik A. Sex and education: Does sexual debut during adolescence lead to poor grades? // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2019. Vol. 51 (2). P. 81—89. doi:10.1363/psrh.12101

REFERENCES

1. Blonskii P.P. Oчерки detskoi seksual'nosti [Essays on child sexuality]. In Petrovskii A.V. *Izbrannye pedagogicheskie i psikhologicheskie sochineniya: V 2-kh t. T. 1.* [Selected pedagogical and psychological works: In 2 vol. Vol. 1.]. Moscow: Pedagogika, 1979, pp. 202—276.
2. Vygotskii L.S. Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical psychology]. Moscow: Pedagogika-Press, 1996. 536 p.
3. Vygotskii L.S. Pedologiya podrostka [Paedology of the Adolescent]. In El'konin D.B. (ed.). *L.S. Vygotskii. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya* [L.S. Vygotsky. Collected works: in 6 vol. Vol. 4. Child psychology]. Moscow: Pedagogika, 1984, pp. 5—242.
4. Zalkind A.B. Polovoe vospitanie [Sexual education]. In Parina I. (ed.). *Pedologiya: Utopiya i real'nost'* [Paedology: Utopia and reality]. Moscow: Agraf, 2001, pp. 14—263.
5. Kon I.S. Podrostkovaya seksual'nost' na poroge XXI veka. Sotsial'no-pedagogicheskii analiz [Adolescence sexuality on the eve of XXI century. Social pedagogical analysis]. Dubna: Feniks+, 2001. 208 p.
6. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Strategii seksual'nogo povedeniya v sovremennoi kul'ture [Sexual Behavior Strategies in Modern Culture]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2015. Vol. 11 (1), pp. 61—70. doi:10.17759/chp.2015110108. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Fenomen neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v istoricheskom kontekste raznykh tipov seksual'noi kul'tury [The phenomenon of unrestricted sexual behavior in the historical context of different types of sexual culture]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2014. Vol. 22 (3), pp. 119—140. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Sobkin V.S., Abrosimova Z.B., Adamchuk D.V., et al. Podrostok: normy, riski, devyatsii. [Adolescent: norms, risks, deviations]. Moscow: Tsentri sotsiologii obrazovaniya RAO, 2005. 359 p.
9. Sobkin V.S., Abrosimova Z.B., Adamchuk D.V., et al. Seksual'noe povedenie v podrostkovom vozraste [Sexual behavior in adolescence]. In Sobkin V.S. (ed.) *Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. T. IX. Vyp. XV* [Sociology

- of education. Works on the sociology of education. Vol. IX. No. XV.]. Moscow: Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO, 2004, pp. 163—186.
10. Sobkin V.S., Adamchuk D.V. Podrostok: seksual'nye otnosheniya i sotsial'naya normativnost' [Adolescent: sexual intercourse and social normativeness]. In Rean A.A. (ed.) *Psikhologiya deviantnosti. Deti. Obshchestvo. Zakon: monografiya* [Psychology of deviation. Children. Society. Law: monograph]. Moscow: YuNITI-DANA, 2016, pp. 274—313.
  11. Sobkin V.S., Adamchuk D.V., Fedotova A.V. Podrostok: o dopustimosti vstupleniya v seksual'nye otnosheniya [Adolescent on admissibility of sexual intercourse]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov* [Mental Health of Children and Adolescents], 2014, no. 2, pp. 25—32.
  12. Sobkin V.S., Baranova E.V. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti perezhivaniya seksual'nogo opyta v podrostkovom vozraste [Social psychological peculiarities of experiencing sexual intercourse in adolescence]. *Voprosy Psikhologii*, 2006, no. 3, pp. 55—67.
  13. Sobkin V.S., Kuznetsova N.I. Rossiiskii podrostok 90-kh: Dvizhenie v zonu riska. Analiticheskii doklad [Russian 90-s teenager: Moving to the risk zone. Analytical report]. Moscow: YuNESKO, 1998. 120 p.
  14. Freud S. Ocherki po psikhologii seksual'nosti [Essays on the psychology of sexuality]. Moscow: Eksmo, 2015. 640 p. (In Russ.).
  15. Brady S.S., Halpern-Felsher B.L. Social and emotional consequences of refraining from sexual activity among sexually experienced and inexperienced youths in California. *American Journal of Public Health*, 2008. Vol. 98 (1), pp. 162—168. doi:10.2105/AJPH.2006.097923
  16. Cheng Y.A., Landale N.S. Adolescent overweight, social relationships and the transition to first sex: Gender and racial variations. *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, 2011. Vol. 43 (1), pp. 6—15. doi:10.1363/4300611
  17. L'Engle K.L., Jackson C., Brown J.D. Early adolescents' cognitive susceptibility to initiating sexual intercourse. *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, 2006. Vol. 38 (2), pp. 97—105. doi:10.1363/3809706
  18. Lehrer J.A., Shrier L.A., Gortmaker S., et al. Depressive symptoms as a longitudinal predictor of sexual risk behaviors among US middle and high school students. *Pediatrics*, 2006. Vol. 118 (1), pp. 189—200. doi:10.1542/peds.2005-1320
  19. Manlove J., Terry-Humen E., Ikramullah E. Young teenagers and older sexual partners: Correlates and consequences for males and females. *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, 2006. Vol. 38 (4), pp. 197—207. doi:10.1363/3819706
  20. Sandfort T.G.M., Orr M., Hirsch J.S., et al. Long-term health correlates of timing of sexual debut: results from a national US study. *American Journal of Public Health*, 2008. Vol. 98 (1), pp. 155—161. doi:10.2105/AJPH.2006.097444
  21. Scott M.E., Wildsmith E., Welte K., et al. Risky adolescent sexual behaviors and reproductive health in young adulthood. *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, 2011. Vol. 43 (2), pp. 110—118. doi:10.1363/4311011
  22. Whitworth T.R., Paik A. Sex and education: Does sexual debut during adolescence lead to poor grades? *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, 2019. Vol. 51 (2), pp. 81—89. doi:10.1363/psrh.12101

Информация об авторах

Собкин Владимир Самуилович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, руководитель, Центр социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru

Федотова Александра Владимировна, научный сотрудник, Центр социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4960-8183>, e-mail: alexandrafedotova@rambler.ru

Information about the authors

Vladimir S. Sobkin, Doctor in Psychology, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Head of the Center for Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru

Aleksandra V. Fedotova, Researcher, Center for Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4960-8183>, e-mail: alexandrafedotova@rambler.ru

Получена 01.02.2020

Received 01.02.2020

Принята в печать 06.03.2020

Accepted 06.03.2020